

МИХАИЛ ФЕДОРОВ

ТАМ ЗЕМЛЯ ПРОПИТАНА КРОВЬЮ...

Жарким летом 1942 года немцы в обход Воронежа рвались на Волгу, в район Сталинграда, и в их планы не входило занятие Воронежа. Знали, город будут оборонять, и они отвлекут большие силы от Сталинграда. А Сталинград был их главной целью. Но случилось так, что мост на Семилуки не взорвали, и легкие немецкие танки ворвались в Воронеж.

Но это был не только боевой успех, но и добыча: заняли крупный город. Все танки потом были набиты всяким барахлом. Немцы посылали посылки в Германию – и продуктовые, и вещевые. И они влетели в Воронеж с жадой пограбить мирный город, не задумываясь, что нарушают диспозицию своего командующего барона фон Вейхса. Грабеж был их целью, и, увлекшись грабежом, они даже мосты не заняли железнодорожные, отроженские, которые вели на левый берег реки Воронеж. Так и получилось, что фронт прошел фактически через город. Пришлось нашему командованию срочно заделывать эту дыру.

Первая значительная сила Красной армии появилась здесь 17 июля 1942 года, когда из Сибири доставили в Липецк 303-ю стрелковую дивизию под командованием полковника Остроухова. И они из Липецка пешком лесными дорогами вдоль реки Воронеж вышли в район города и попытались 18 июля одним ударом овладеть Воронежем.

Но сходу, с марша пустили в прорыв только два полка – третий еще не подошел, и, главное, не подошел артиллерийский полк – была одна пехота. И никакой разведки не было, никто не знал, что представляют собой немецкие позиции. Здесь распорядился генерал Антонюк, командующий 60-й армией. Вот он и пустил дивизию в наступление. Сибиряки прошли сто двадцать – сто тридцать километров тяжелейшими дорогами по лесу. Там яры, ручьи, заросли. Бойцы страшно устали, не ели, не пили. Сбили себе ноги. А их хотели бросить сразу, да еще на ночь глядя. Но полковник Остроухов все-таки отвоевал время до утра.

Утром на рассвете, туман еще был, в тумане пошли на город. На немецкие пулеметы, в лоб... Потери были жуткие. Командир героической сибирской дивизии Лев Иванович Остроухов был убит, и могила его там, где горит Вечный огонь на Задонском шоссе. Комиссар дивизии также погиб. (Сначала их похоронили в Чертовицке. А потом, уже в 1960-е годы перенесли, когда воздвигался бетонный памятник в Задонье: боец лежит запрокинувшись, и Вечный огонь памяти горит).

Это была первая попытка освободить Воронеж. Потом в августе была предпринята еще одна попытка, и все. Не было тогда сил и не было нужды тут

воевать с немцами, потому что они дальше не двигались. Всех их усилия сосредоточились в направлении на Сталинград и Кавказ. Такова она, сермяжная правда обороны Воронежа.

Воронежу в оккупацию досталось. Все оставленное имущество разграбили немцы и прислужники их – полицаи из местных. Они приезжали в город из соседних районов, которые заняли немцы. Эти районы вдоль реки Ведуги были поставщиками полицаяев почти что на всю оккупированную часть Воронежской области. Тем семьям, из которых на службу к немцам в полицаи пошла молодежь, немцы давали разные льготы. И в качестве льгот давали пропуска в пустой, без жителей город. Грабить...

Все дома оставлены. Часть воронежцев от немцев успела убежать на восток, а тех, что остались, немцы угоняли на запад. Изгнание началось 12 августа 1942 года. Немцы показали направление на Хохол, и эти выселенные поехали Бог знает куда: кто на Западную Украину, кто в Германию. Жителей выгоняли потому, что рядом по реке Воронеж проходил фронт. Примерно сто пятьдесят тысяч населения оставалось в прифронтовом городе. Наши по немцам стреляют с левого берега реки, у немцев здесь и позиции и артиллерия, окопы нарыты, бои идут. И мешают, несет потери гражданское население. Кроме того, немцы боялись, что среди оставшихся есть переодетые красноармейцы, партизаны. Ведь происходили диверсии: то провода порежут, то что-то сожгут. Это делалось и стихийно жителями из мести к оккупантам, и нашими военными диверсантами, которых засылали с другого берега реки.

Разбираться среди жителей немцам было некогда, почему они и приняли решение очистить город. Дали сроки, дали направления и начали выгонять, начиная с севера, северо-восточного угла, от стадиона “Динамо”. Это сейчас почти в центре города. А тогда напротив стадиона “Динамо” было лишь начало города, первые улицы к реке. Вот отсюда немцы и начали сгонять население. Конечно, снять всю массу людей и двинуть на запад было нельзя, поэтапно это делалось. Немцы ходили и объявляли приказы с переводчиками, развешивали вывески: “Кто останется – расстрел”. Жители знали, немцы разбираться не будут, по какой там причине человек остался. И воронежцы с кровью, со слезами двинулись в изгнание...

И гнали несчастных жителей Воронежа сначала в направлении Песчаного лога, далее на понтонную переправу, а оттуда на Хохол. А в Хохле были регистрационные пункты. Начинали сортировать, проверять паспорта, разбивать на группы, кого куда. Выявляли семьи военнослужащих. Из семей военнослужащих – кто в комиссарах, политработниках. Выявляли комсомольцев, членов партии, отделяли евреев... Всех их расстреливали недалеко от Хохла. Там памятники сейчас стоят. Многих опознали, потому что трупы находили с документами, которые позволяли узнать имя. А в опустевший город хлынули мародеры.

Одной из наиболее страшных страниц из жизни Воронежа и являются события, произошедшие в Песчаном логе. Там сразу после войны нашли четыреста пятьдесят трупов. Некоторые были с документами, некоторые без. Там лежат плиты памяти. На некоторых плитах есть имена, а есть плиты чистые – памятники тем, кто оказался без каких-либо документов. Но когда всех убитых откопали, пересчитали, то вышло, что их ровно четыреста пятьдесят... Осталась живой Анна Федосовна (или Федосеевна) Попова. О ней много писали, когда освободили Воронеж.

Тогда власть обратилась к вернувшимся горожанам приходиться в райсоветы и рассказывать, что знают о зверствах немцев. И Анна Федосовна показала это место в Песчаном логе. Она чудом спаслась. Немцы привезли ее, как и многих других, из школы, которая находится на улице 20-летия Октября. Эта школа была превращена в госпиталь для гражданского населения, раненных от бомбежек, пуль. Там была врач Мухина Раиса Григорьевна, ее немцы расстреляли прямо во дворе школы. А потом этих больных в течение нескольких дней партиями на грузовиках с брезентовыми кузовами, человек по пятьдесят–шестьдесят, вывозили в место Песчаного лога, там расстреливали, вывозили и в другие места, но они не выявлены.

Да и про Песчаный лог узнали только потому, что в живых осталась Попова. Когда расстреливали, клали всех в ряд, живых... Потом шли и стреляли. Скорее всего, эти палачи были бандеровцами, потому что Попова говорила, что они гутарили по-украински. Были в немецкой форме, но не полной. Кто в

немецкой куртке, кто в штанах с лампасами, на ком какая-нибудь гимнастерка, может, снятая с красноармейца. Много там было всякой швали — бандеровцы, оуновцы, власовцы, кто шел в подручные к захватчикам.

Пришли и всю грязную работу — вешать, расстреливать — выполняли они. Немцы дают им паек, они подписывают обязательство и сразу начинают служить. Немцы делили пошедших к ним на службу по доверию на пять степеней. Пятая степень доверия высшая — в руки давалось оружие. А если он только начинал служить немцам, то оружие еще не давалось, не было известно, что он с ним делает. А уж если пятая степень доверия, то назначали каким-нибудь командиром. Ведь все эти спецотряды состояли, как правило, из изменников Родины, из военнопленных, часто “западенцев”, потерявших всякий человеческий облик. Так вот, в Песчаном логу людей клали на землю, и потом шел этот размовлявший по-галицийски “немец” и стрелял из пистолета.

А Анна Федосовна легла рядом с мужчиной, который был в шубейке. Почему в шубейке? Видимо, это все его имущество было, и он полагал, что пригодится. И шубейка была раскинута и накрыла Анну Федосовну, и стрелявший “немец” убил этого мужчину, а ее не заметил. И она, когда немцы уехали, выползла. Но сначала и говорить не могла. Суток трое скрывалась в каком-то доме, не знала, что делать, боялась, что ее опять схватят, слышала, как опять подъезжали машины, раздавались выстрелы, крики, вопли, стоны. Потом уезжали. Она была ранена, почему и лежала в больнице — ранена пулей или осколком в ногу. Но потом сообразила, что в Воронеже оставаться нельзя, город зачищают от жителей, и надо двигаться туда, куда всех гонят. И она пошла к Дону, перебралась через Дон и где-то там, в каком-то районе на другой стороне Дона дождалась наших.

Когда вернулась, стала рассказывать соседям. Они ей говорят: “Анна Федосовна, это и по радио объявляли и на стенах написано, пойдешь, расскажи властям”. Она пошла, рассказала. У нее спросили: “А вы можете место показать?” — “Могу”. Поехали, но она сразу не нашла и попросила дать ей время. Она сама походит, посмотрит спокойненько, неторопливо. И так она там несколько дней ходила, не сразу могла найти. Ведь немцы что делали? Расстрелянных клали под подошвой высокого песчаного бугра. А потом сверху обрушивали песок. Так что попробуй найди. Но Анна Федосовна нашла, потому что нашла тот дом, в котором пряталась, осмотрелась, все-таки трое суток там просидела. А когда показала, то стали раскапывать.

И вот, когда сняли слои песка и дошли до трупов, а город освободили в начале 1943 года, а раскапывали лишь летом 1943-го, то когда дошли до трупов, они уже были в желеобразном виде. Сколько было человеческой крови, мяса, костей... Тела еще не превратились в мощи, запах жуткий, там копали солдаты в противогазах. Люди задыхались, они не могли там присутствовать. И заходили с той стороны, откуда дул ветер, чтобы на них не шел запах. Сцены были ужасные...

А надо было рыться в этом, ведь искали документы, письма, фотографии, а многие трупы оказались неопознанными. Среди расстрелянных был отец одноклассника воронежского писателя Юрия Гончарова Миши Вержбловского. Это был еврей, но принявший православие. Жил и работал в Воронеже еще до революции. И в списке расстрелянных, опубликованном в газете “Коммуна”, его фамилия присутствует. Да, досталось Воронежу в оккупацию! И одним из свидетельств тому остался Песчаный лог. Пойдите туда... Там земля пропитана кровью... Вы поймете, насколько ужасной была та война.